

ПЕРЕПИСКА В. П. АСТАФЬЕВА С М. Н. КУРАЕВЫМ

(Публикация И. Г. Гуляковой и Н. С. Цветовой)

В пятом и шестом (май-июнь) номерах журнала «Новый мир» за 1993 г. появилось «Зеркало Монтачки» — новый роман Михаила Кураева (тогда уже автора нашумевших «Капитана Дикштейна» и «Ночного дозора»). Вскоре после публикации к полной своей неожиданности писатель получил письмо от В. П. Астафьева, посланное в редакцию и переправленное непосредственно адресату (*«надеюсь, письмо Вас найдет»*). К этому времени писатели были уже знакомы лично, так как фильм «Таежная повесть» по повести Астафьева «Царь-рыба» снимался на Втором творческом объединении Ленфильма, где в сценарной коллегии работал Михаил Кураев. Но это знакомство не создало отношений.

Адресованному Кураеву письму предшествовало написанное неделей раньше послание М. С. Литвякову,¹ содержащее живой, непосредственный читательский отклик: *«Вот в „Новом мире“ роман Кураева, кажется, питецца? Ну чудная вещь! Ну молодец мужик!»*. Щедрая, доброжелательная к чужому творчеству натура маститого писателя требует немедленного выхода, и Астафьев обращается в редакцию «Нового мира». Ключевая фраза в этом обращении: *«Если это „новая литература“, то она лучше „старой“ (имею в виду соцреалистическую), и я за такую „новую“*. Таким образом было достаточно четко обозначено единство литературных позиций. Кураев, естественно, немедленно ответил.

В том же 1993 г. главный редактор «Нового мира» Сергей Павлович Залыгин организовал круиз по Средиземному морю с посещением Турции, Греции, Израиля и Египта группой поэтов, писателей и драматургов с целью осуществления ими культурной миссии. И в поезде на пути из Москвы в Одессу состоялась встреча, после которой личное знакомство было восстановлено и до самого ухода Астафьева уже не прерывалось.

Каюта Астафьева сразу стала своеобразным писательским клубом, где общались Андрей Битов, Владимир Солоухин, Александр

¹ Литвяков Михаил Сергеевич, режиссер документального кино (Санкт-Петербург).

Борщаговский, Виктор Лихонос, Булат Окуджава, Олег Чухонцев, Виктор Розов, Иван Завражин и другие, среди них, конечно, был Михаил Кураев. Темой одной из первых общих бесед стал Гоголь. Оказалось, что оба, по словам Кураева, «исповедают эту веру» (не случайно уже в первом письме Астафьев упоминает имя Гоголя дважды).

По возвращении возникла переписка, хотя и нерегулярная, продолжавшаяся вплоть до последнего года жизни Астафьева. За десять лет знакомства было написано 14 писем Астафьевым и 12 — Кураевым (не считая телеграмм).

Между письмами были встречи. Астафьев приезжал в Петербург, побывал у Кураева в гостях в квартире на бывшей Сампсониевской улице, носившей тогда имя Карла Маркса, что возмущало Кураева (этот факт нашел отражение в переписке), и некоторое время спустя, к удовлетворению писателя, вернувшей себе свое историческое название. Гуляя по городу, ходили в Петропавловку, Кураев познакомил друга с Натальей Леонидовной Деметьевой, бывшей в ту пору директором музея города, а впоследствии (в 1997 г.) ставшей министром культуры.

Важнейшим этапом знакомства, когда дружба и сотрудничество слились в отношения самые близкие, стали «Литературные встречи в русской провинции», организованные Астафьевым в период развала писательского сообщества и проходившие на его родине — в Красноярске, Дивногорске и Овсянке — в 1996, 1998 и 2000 г. Тогда Кураев впервые побывал в доме Астафьева.

Астафьев, помимо множества других талантов награжденный даром человеческого общения, ситуацию, сложившуюся в Союзе писателей, разделившую бывших «собратьев по перу» на группы, партии, кланы, воспринимал болезненно. И для преодоления этой болезни он решил проводить «беспартийные» литературные встречи в русской провинции как раз посередине России — в Красноярске (5000 км на восток и на запад и примерно одинаково на север и на юг). Кураев стал не только участником этих встреч, но и помощником и опорой Астафьева в их организации вместе с писателем и критиком Валентином Курбатовым,² другом Астафьева. Астафьев умел соединять людей душевно близких, и два руководителя разных творческих союзов (Кураев — Союза российских писателей, Курбатов — Союза писателей России) нашли друг в друге больше общего, чем того, что формально их разделяло, — что, собственно, и было задачей писательских встреч.

Начиная с 1996 г., по шутливому признанию самого Кураева, он стал бывать в Красноярске и Овсянке чаще, чем в Москве, принимая активное участие в жизни сибирских писателей: в фестивалях, научных конференциях, семинарах молодых писателей, охотно проводил мастер-классы.

Последнее письмо Кураеву Астафьев написал, когда был уже неизлечимо болен. После того как в апреле 2001 г. у друга случился первый

² Курбатов Валерий Яковлевич (1939 г. р.) — автор литературно-критических и искусствоведческих книг, в том числе монографий об Астафьеве (Новосибирск, 1972), Пришвине (М., 1986), Распутине (М., 1992). Член правления СП России, лауреат нескольких литературных премий. Живет в Пскове.

инсульт, в мае Кураев уже был в Красноярске, в больнице. Там Виктор Петрович подарил Михаилу Николаевичу последнюю прижизненную книгу «Пролетный гусь» (так и сказал: «Это моя последняя прижизненная книжка»), сопроводив ее дарственной надписью: «*Мише Кураеву с любовью*». Кураев сказал: «Наконец-то можно прочесть то, что ты написал, без помощи Марьи Семеновны» (разбавившей почерк мужа лучше, чем он сам), на что Астафьев ответил: «Так я, Миша, уже не слова, а буквы пишу».

В августе 2001 г. Кураев снова приезжает в Красноярск. Астафьев уже дома. Кровать завалена газетами, вместе с доктором Ольгой Семеновной он разрабатывает руку, бодр и полон надежд. Вместе обсуждают планы предстоящих литературных встреч, назначенных на 2002 г. Это было их последнее свидание... 29 ноября 2001 г. Виктора Петровича Астафьева не стало.

Трудно представить, что Виктор Петрович, имея ограниченное зрение после фронтового ранения, читал все, что написано от Камчатки до Калининграда, и отвечал, напрягая контуженную руку, великому множеству коллег и знакомых без всяких компьютеров и пишущих машинок. Но в последних, четырнадцатом и пятнадцатом, томах собрания сочинений Астафьева (Красноярск, 1998), включающих обширную переписку 1961–1997 гг. с читателями, критиками, издателями, товарищами по цеху, представлен огромный материал, как правило, существующий в рукописном виде. Причем по разным причинам не вся корреспонденция Астафьева вошла в им самим подготовленное собрание. Не вошла в это собрание и переписка с Кураевым. Так случилось, что многие письма Кураеву остались за пределами прекрасной книги, составленной и изданной в Иркутске Геннадием Сапроновым.³ Письма самого Михаила Кураева, адресованные Астафьеву, не публиковались вовсе.

Данная публикация — впервые собранная почти полностью (в ней не хватает только двух-трех писем Кураева) переписка выдающихся литераторов, которая обещает, выражаясь словами Виктора Петровича Астафьева, «прекрасное чтение». Несомненно, что этот эпистолярный диалог не менее интересен и важен, чем иные жанры их творческой деятельности. Письма таких ярких и мощных личностей, как В. П. Астафьев и М. Н. Кураев, представляют собой интереснейший документ, свидетельство о времени, в которое им выпало жить, о земле, по которой они ходили, о людях, с которыми встречались. Многие из этих писем раскрывают сложный духовный мир адресантов, помогают постижению секретов их творческой лаборатории.

Письма Астафьева Кураеву любезно предоставлены Михаилом Николаевичем из его личного архива. Письма Кураева Астафьеву хранятся в Астафьевском фонде Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

³ Астафьев В. П. Нет мне ответа. Эпистолярный дневник 1952–2001. — Иркутск, 2009.

Для передачи текста, выполненного машинописным способом, используется прямой шрифт Times New Roman. Рукописные тексты набраны курсивом.

Зачеркнутые фрагменты печатаются прямым жирным шрифтом и заключаются в квадратные прямые скобки.

Рукописные вставки передаются жирным курсивом и также заключаются в квадратные прямые скобки.

Сохранены авторские подчеркивания.

Непрочитанные слова, словосочетания, фразы обозначаются как <nrзб.>.

В рукописи и машинописи встречаются случаи несоответствия применения писателем правил орфографии и пунктуации существующим нормам. Несмотря на стремление к сохранению авторской пунктуации и в некоторых случаях орфографии, публикаторы отдельным фрагментам вынуждены были придать нормативный, литературный вид.

«14» августа 1993 г.¹

Уважаемый Михаил Кураев! [(отчества не знаю, извините)]

Дай Вам Бог здоровья и сил на многие годы! Это в благодарность за прекрасное чтение «Зеркала Монтачки» [., [е] Если это «новая литература», то она явно лучше «старой» (имею в виду соцреалистическ [ой] ую), и я за такую «новую», хотя «новость» эта чисто внешняя, а внутри все, как у Гоголя и прочих давно работавших товарищей. С восторгом читал весь роман, но пляску Иванова, да и всю свадьбу в семьдесят второй квартире еще и со слезой умиления: — Какие люди! Какой народ! — Спасибо, спасибо, что дерьмом не измазали родных нам людей — таких ни оскорбить, ни унижить нельзя. Не пристаёт к ним грязь, не может их ничто согнуть, даже навал [неистового] коммунизма.

Вот так же с удовольствием прочел я и «Голову Гоголя»² в «Знамени», причудливая, сложная вещь, не сразу будет прочитана и понята, но уж у хорошей «новой» литературы такова судьба.

Мой вам поклон из Сибири, из родной деревни Овсянки, где я сижу и тоже ковыряю пером бумагу, пытаюсь успеть написать «свой»³ военный роман.

Поклон Питеру. Надеюсь, письмо Вас найдет —

В. Астафьев

с. Овсянка, 16 августа 1993 г.

¹ Письмо написано на специальном именованном бланке.

² Фантастическая повесть А. Королева (1946 г.р.) — московского прозаика, сценариста, автора философских и литературоведческих эссе, лауреата нескольких российских и престижных международных премий.

³ Роман В.П. Астафьева «Прокляты и убиты», над которым писатель работал с 1992 г.

Дорогой Миша!

Уж больно ты ловок, парень.¹ Приехав домой² с укрепленными силами и нервами, я, конечно же, набросился на рукопись романа и, конечно же, на шарап ее взять не мог, не тот материал, не те мои годочки, чтобы сгреб, угреб, и вот тебе робенок пищит и пеленки марает. Додавливал я, как борец на ковре противника и мучителя своего, с хрустом костей, с пердежом, обострением геморроя и не то чтобы положил на обе лопатки, но как-то по очкам, что ли, одержал победу, сделал читабельный вариант, сдал рукопись Марье на машинку, а сам поехал в город и напился, а потом хворал похмельем

и теперь вот за пошту берусь и коли твое письмо сверху лежит, с него и начинаю.

А ходили мы, паря, не за три, а за четыре моря.³ Ты забыл самое красивое — Эгейское. Да и немудрено. По сводкам погоды, в г. Петербурге гнусно, сыро, а у нас зима была прелесть –10–15, изредка за –20, много солнца, сухо, и это мне, старому легочнику, помогало дышать, спать и работать.

А Мишу Дудина⁴ я хорошо знал и любил, и Ирину⁵ его знаю. Зело талантлив и обаятелен был Миша, а его стихотворение «Баллада о плывущей по Неве льдине» я считаю одним из лучших в современной поэзии. Хорошо Миша прожил свою старость, нешумно и с достоинством, редко кому удающимся. Пусть мокрая питерская земля будет ему пухом.⁶

Сегодня ночью мне что-то не спалось, устал, рано лег и вот в 2 часа проснулся, читал книгу питерца Михаила Черкасского⁷ с претенциозным названием «Сегодня и завтра, и в день моей смерти» — хроника одного года. Этот самый Миша, видать, еврей, а без выпендрежа они не могут. Так вот это потрясающее чтение, небывалое чтение, которое из-за ошеломленности я и литературой-то боюсь назвать. Книга издана всего тысячько экземпляров на Литейном проспекте, 55, рецензировал ее Глебушек Горышин,⁸ так может через него достанешь. Непременно прочти и напиши мне.

А че это у тебя отрезали-то, а?⁹ Зачем? В человеке если уж не все прекрасно, то уж все целесообразно и отрезать ничего нельзя. А наши оголтелые бабы взялись вон мужикам хуишки отхватывать и жалуется при этом, что падает рождаемость. На науку, видать, надеются, она, мол, избавит от пьяниц-мужиков, и детей можно будет зачинать с помощью пробирки.

Жизнь наша идет, как и везде, случайно и нервно, с надеждой на будущее. А есть ли оно у нас, будущее-то? Уж больно народишко-то незрел умом, и гражданское его сознание никак не возрастает и даже наоборот.

А я, Миша, если ничего не стряется, поеду в марте в Швейцарию по приглашению Женевского университета и профессора Жоржа Нива.¹⁰ Думаю тогда¹¹ и в журнал¹² завести рукопись. Вот бы сдать да без мороки напечатать. Очень устал. Поездка сократит сроки ожидания весны, а весной я переберусь в деревню, где себя чувствую уверенней и лучше, работая на [з]Земле.

Ну вот и все пока! Обнимаю тебя, желаю доброго здоровья и чтобы писалось. Кланяюсь — Виктор Петрович

*(В. Астафьев)
28 января 1994 г.*

¹ Ответ на вопрос о работе над романом «Прокляты и убиты».

² Из круиза по Средиземному морю, во время которого писатели и познакомились (см. вводную статью).

³ Астафьев поправляет Кураева, уточняя маршрут средиземноморского круиза.

⁴ Известный ленинградский поэт Михаил Дудин, ушедший из жизни 31 дек. 1993 г.

⁵ Супруга М. Дудина — Ирина Николаевна Тарсанова.

⁶ По завещанию М. Дудин был похоронен у себя на родине в Ивановской области.

⁷ Петербуржец Михаил Черкасский, в начале 1990-х издавший свою книгу за собственный счет. Книга случайно попала в руки Астафьева и вызвала восторженное отношение.

⁸ Горышин Г. А. (1931–1998) — известный ленинградский литератор — прозаик, публицист, автор книги стихов.

⁹ В 1993 г. М. Н. Кураев перенес операцию на голосовых связках.

¹⁰ Жорж Нива, — профессор Женевского университета, славист, специалист по русской литературе XX в., автор нескольких популярных монографий.

¹¹ Астафьев планировал поездку через Москву.

¹² Журнал «Новый мир».

Дорогой Миша!

Я прочел твою замечательную беседу о читателях в «Лит. газете»¹, и затем пришло твое письмо, в котором я не очень разобрался, но понял, что на душе у тебя такая же смута и неразбериха, как и у меня, как и у миллионов русских людей. С такими «сдвигами» в середине, конечно, не надо бы проводить никакие беседы и печатать их, но слаб человек — пристанут, притиснут к стене и, глядишь, сдался. Но это помогло все же — вот отрывают рукава, трещит телефон, требуя славословий о дне Победы, а я стою и пока отбиваюсь, хотя сил и нету...

Вслед за романом написал я повесть², и большую, «Знамя» № 4, это уже сверх всяких сил, и теперь жду — не дождусь дня, когда уеду в деревню, возиться в огороде, авось и передохну.

В повести, Миша, ты, наверное, найдешь какие-то материально-видовые ответы на вопросы, которые мучают не одного тебя, в частности, об истоках нашего доморощенного фашизма, а письмо написать большое и путное не могу, хвораю.

Прости, если что не так, как говорят в моем родном селе —

В. Астафьев

4 апреля 1995 г. Красноярск

¹ Интервью М. Н. Кураева «Памяти великого читателя»: Литературная газета. 1995. Март.

² Повесть В. П. Астафьева «Так хочется жить» (1995).

4 октября 99.

Дорогой друг, Виктор Петрович!

Горький сегодня день. Похоронили Дмитрия Сергеевича Лихачева. Зависти и восхищения достойно его противостояние годам и немощи. Летом я жил в Комарове и раза три-четыре был у него. Последний раз, в ответ на мое предложение участвовать в сб. «Петербургский стиль», он сказал о желании написать очерк «Женщины Петербурга». Именно они были носительницами и законодательницами этого стиля.

Только что вышла его книжка в изд. «Блиц», и на выходе вторая, которую он уже не увидит. Интенсивность его труда в его-то годы просто удивительная. Вот тебе и «дохлый интеллигент»!

...В эти же дни я подумал о том, как Вы с ним похожи. При всей разности стиля, манер, воспитания, и множестве других отличий,

сходство-то в главном, для меня, в естественности и непритворстве, в доверии своему дару, в нежности и отзывчивости души.. Как разнообразны бывают нежность и добросердечие, какие разные оболочки и обличия они выбирают, оставаясь всегда бесценным даром души.

Такие жизни, как жизнь Лихачева, показывают — сколько добра может совершить один человек, сколько труда может исполнить и еще, как жить с неодолимым злом рядом, не пригибаясь и не озлобляясь. Мне кажется, что он какой-то особенной расположенностью был повернут ко мне, но в эти дни, видя и слыша множество народу, понял — он ко всем был обращен особенным образом, т. е. умел нас, великое множество его знакомцев, не пугать и не прибегать к приемам благожелательности и участия...

Писал мне Курбатов о Ваших хворях. И странствиях, хворям предшествовавших. Так что? Миновало? Дай-то бог!

Лето у меня прошло пустопорожне. Бумага вызывает страх, а собственная немота и бездарность просто отчаяние.

Раньше я писал себе, все было ясно, просто. Теперь я уже не могу отделаться от мысли, чувства подкожного, что пишу для журнала, изд-ва, читателя. Но это все гнездится и даже помогает в писании статьи, очерка, но никак не прозы.

Зарапортовался!

Бумагу извожу конечно, но все стыд и судороги импотента. Так-то!

Дорогой Петрович, извини, что оросил жилет (ватник?) скупой мужской, но ни с кем больше и говорить не хочется.

Жду книжку из Кургана,¹ там уже вышла, но до меня не дошла. Долг перед Пиксимовной² помню.

Марии Семеновне земной поклон и доброе здоровье.

Лидия³ шлет сердечный привет.

Обнимаю. Твой М. К.

¹ Кураев М. Н. Жизнь замечательных людей. Повести и рассказы. Курган, 1999. (Серия «Современная классика»).

² Анна Епиксимова — землячка В. П. Астафьева, директор сельской библиотеки, которой был обещан новый сборник.

³ Жена Кураева — Лидия Васильевна Кураева-Кустова.

18 января 1996 г.

Дорогой Миша!

Я никак не справлюсь с болезнью, начавшейся еще в сентябре, гнилые легкие-то.¹ Пробую работать, делаю маленькую повесть,² как бы в продолжение предыдущей повести, пишу «Затеси», надеюсь, что в работе сгорят все мои хвори. Раньше сгорало все, а теперь не очень. Пламень лет ослабел, и чем их, лет, меньше остается, тем жиже накал.

Миша! Курганские издатели, хорошие издатели, они и платят хорошо, и распространяют серию, пусть и излишне громко названную, по всей России. Моя книга, изданная № 1, идет хорошо, а пока дойдет очередь до тебя, уже будет означена серия несколькими кни-

гами и пойдет еще лучше — серию, строй в одном мундире наш народ любить не перестает.

Что касается меня, я буду переиздаваться в Петербурге, тем паче что, один раз издав роман, москвичи более эту книгу-контру не спешат привечать. Хотел бы, чтоб книга была издана одним томом — это 37 листов, может, и около сорока.

Пусть еще ребята напишут, куда и когда высылать им книги.

Прости, Миша, за краткость и каракули, сам я печатать не умею, Марья тоже болеет.

Пришли, пожалуйста, то, что про Гоголя-то написал, хоть ксерокс, но пришли.

Обнимаю тебя — Виктор Петрович
В. Астафьев

¹ В. П. Астафьев напоминает о фронтовом ранении.

² По-видимому, повесть «Обертон» (1996).

Дорогой Миша!

Прости меня Бога ради. Получив твое письмо с просьбой написать что-либо для твоей книжки, я отложил его в кучу скопившейся почты, и оно забылось — ездил в здешний санаторий еще раз, подлечивался, потом бездельничал, теща свою усталость, отвращение к бумаге и прочее, много спал — это в прежние времена вроде и называлось не по-русски — сплин, что ли. Потом попробовал раскачать себя, ибо жить, ничего не сочиняя, еще тошнее, и начал писать «Затеси». И они пошли, материалу-то и впечатлений от жизни поднакопилось.

И вот, получив вторичное напоминание, я решил, не откладывая больше, написать о тебе, как и чего умею.

Зима у нас люта. Засибирило так засибирило! Из дому мороз не выпускает, и хочешь — не хочешь, а за стол садись, марай бумагу. Целую отборную книгу (не потеряются!) написал я «Затесей», отдал на машинку. Текущих дел и почты скопилось много, поэтому пишу тебе кратко. Пожелаю лишь в Америке-то¹ не судить строго, как учили нас коммунисты, президента за якобы предосудительную связь с бабой. Президент ихний, в отличие от нашего, еще может на зависть его сенату и парламенту, и ты им там втолкуй очень простую и ёмкую русскую поговорку: «Сучка не всхочет, кобель не вскочит». Они сразу опамятуются и поймут смысл жизни в ее вечной и непроходящей простоте и глубине одновременно.

Весной, паря, в апреле, в конце его собираюсь быть гостем государственной (недавно еще ласково именуемой Ленинкой) библиотеки, и коли не развалюсь, то и в Петербург бы заехал, в Вашей Публичной библиотеке, слух дошел, тоже издадут мою библиографию к юбилею.² Библиография-то Бог с ней, а вот с народом, с тобой и другими артельщиками и бурлаками повидаться хочется, да и Питер еще посмотреть душе и голове не повредит. Дожить вот еще надо до даты-то и здоровым остаться.

Обнимаю тебя. Последней повести твоей в «Знамени» еще не читал.³ Чего ты там наплёл, ёршик нестареющий? Поглядим. Лидии мой низкий поклон и пожелание обоим гладкой дороги за океаном.

Преданно Ваш — В. Астафьев

31 января 1996 г. Красноярск

¹ Речь идет о поездке М.Н. Кураева в Дюкский университет (США, Северная Каролина) по приглашению Маргарет Томсон, переводившей на английский язык повести «Капитан Дикштейн» и «Ночной дозор».

² К 75-летию В.П. Астафьева был подготовлен библиографический справочник: Виктор Петрович Астафьев. Жизнь и творчество: библиографический указатель произведений писателя на русском и иностранных языках. Литература о жизни и творчестве / Сост. и ред. Т. Я. Брикман. М., 1999.

³ Повесть «Блок-ада», опубликованная журнале «Знамя» в 1994 г. (№ 7).

16 декабря 1996 г.

Дорогой Миша!

Ты уже, наверное, получил журнал «с Гоголем».¹ Как видишь, в Сибири кое-кто еще не только веники вяжет, но и парится ими. Я, правда, не могу, войною лишен такой улады. В следующем номере дадим и Чехова.² Мне статья понравилась, ребятам тоже. Не знаю, рассказал я тебе или нет, что Чехов наш выглядит старомодным оттого, что вечером привезли его в ящичке на берег Енисея, а ушкунники наши, думая, что в ящичке ценность лежит, вскрыли его и, разочаровавшись в своих возделениях, подожгли, Антон Павлович вот и подзакоптился, а я, открывавший памятник, думал, что такой материал специальный. Вот где ты пишешь, что стоит Чехов с обнажившейся арматурой, и впили<?> сей красочный факт о благодарном и боголюбивом нашем народе, который только и ждет, чтобы какому-то интеллигенту голову проломить иль памятный камень на его могиле раскопать.

Я весь в трудах и заботах, идет издание моего собрания сочинений,³ после нового года выйдут первые тома, и я начну тебе их потихоньку высылать.

В Овсянке, возле кладбища, заложили часовню,⁴ приурочив это событие к юбилею села — 390 лет — это для Сибири уже древность. Начальство грозит освятить часовню в следующие лит. чтения, т. е. в сентябре 1997 года. Правда, не сказывает, где оно деньги на это мероприятие добудет.

Что касается питерских встреч, то определенно сказать ничего не могу. Во-первых, надо еще дожить до весны (осенью я опять лежал в больнице), во-вторых, очень уж много всего намечается на 1997 год и, главное, середь лета поездка на корабле по Енисею до Дудинки по местам политических и всяких репрессий, проводить будет общество уральское «Мемориал» под эгидой ООН, и надеемся на средства этой солидной организации. Будет это в конце июня, начале июля. Я по воде не очень сильный ездун (легкие больные), а тебя позвал бы, уж

очень красив и, действительно, могуч Енисей, есть чему подивоваться и восхититься.

За сим поздравляю тебя с наступающим Новым годом! Дай Бог, чтобы он был лучше уходящего или уж хоть не хуже. Пусть тебе пишется и дышится вольно. «Путешествие»⁵ твое еще не прочел — пока некогда, а вот книгу Ивана Трифоновича Твардовского «Родина и чужбина» изжевал за полтора месяца. Ну, паря, до чего же причудлива, велика и жутка жизнь русского человека! Почитай непременно, много греху и смеху увидишь.

*Обнимаю тебя. Пиши, звони. У нас зима сильная, морозная.
Твой Виктор Петрович*

¹ Речь идет об эссе «Памятник Гоголю», опубликованном в журнале «Континент» и перепечатанном альманахом «День и ночь», издающемся в Красноярске (главным редактором альманаха в ту пору был Роман Солнцев): Континент. 1995. № 1. День и ночь. 1996. № 6.

² Эссе «Чехов посредине России», написанное специально для альманаха «День и ночь» (Звезда. 1997. № 3).

³ Астафьев В. П. Собр. соч.: В 15 т. Красноярск, 1998.

⁴ Часовня была заложена при непосредственном участии В. П. Астафьева.

⁵ «Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург» (Новый мир. 1996. № 10).

Дорогой друг, Виктор Петрович!

Нет от Вас никаких вестей, и уже усомнился, доехала ли до Кр-ска моя статья про Чехова, долетело ли мое письмо к Вам!

Я рассказал атташе по культуре (Швеция) о планировавшейся поездке по Енисею нынешним летом. Он не только загорелся желанием участвовать, но сказал и о давнем желании повидаться с Вами в Овсянке — Красноярске. Готов ради этого удовлетворения и мой билет оплатить. Ну что ж, готов быть проводником!

Очень волнуются наши дамы из Публичной библиотеки (они были в Овсянке в прошлом году), жаждут Вашего присутствия и участия в Литературных встречах, намечаемых на 21–23 мая с. г. А от нас и в столицу, за премией. Хорошо? Там бы (в М-ве) с Юханом Эбергом, о котором речь выше...

А я на днях еду в Крым, а оттуда в Пятигорск! Никогда не был в этих легендарных краях, а тут вдруг по «блокадной линии» дали льготную путевку... Если Вы поедете в Питер на чтения, я уеду из Пятигорска раньше, ежели нет, отсижу там до звонка.

На календаре десятое апреля, а на дворе сыпет снег, а на дорогах октябрьская жижа.

27 марта, в день пробега,¹ была такая вьюга, мороз, снег и ветер, каких и зимой не было, поэтому на Дворцовую площадь вышло всего лишь 130 тысяч малосознательных граждан, не умеющих понять ни повышения квартплаты вдвое, ни всех остальных благ, изготовленных для них Гусинским, Березовским, Лифшицем, Чубайсом и их единокорманниками.

Написал в «Огоньке» (№ 10) про пожар в Пулковской обсерватории, губернатор обиделся, но деньги — 110 млн., выписанные на второй день

после пожара на первые и неотложные расходы так до сих пор в б-ку и не пришли. Пошел 3-й! месяц. Очень у нас обидчивые губернаторы.

Вас же я обнимаю.

Марии Семеновне почтительно кланяюсь.

Миша Кураев.

10.04.97.

t-3

видимость 1-5-2 кабельтово.

¹ Традиционный весенний легкоатлетический «Ленинградский марафон» — «Дворцовая площадь — город Пушкин».

Дорогой Миша!

Ну ты у нас за всех — боек и подвижен, и творчески насыщен. Статья твоя¹ печатается в очередном номере «Д.Н.»,² а я, брат, тяжело болею и только-только начинаю выходить на улку. Весна у нас прекрасная, так вот целый час просидел под солнцем, на бугорке, осыпанном подснежниками, глядел вдаль, на Енисей, на родную деревню, и, хотя все в дымке и дыму (дебилы жгут родную землю),³ все равно было на душе светло и хотелось плакать умильными слезами оттого, что вот дожил еще до одной весны и, может, сколько-то еще поживу и, возможно, поработаю.

Сейчас работаю над 10-м, 11-м томом собр. сочинений (это как раз «Прокляты и убиты» и последние повести с рассказами) — идет трудно, громоздко. Я сам комментирую тома, а роман надо бы еще и поправить, и почистить, а сил нету (письмо это — первая попытка после болезни присесть к столу).

Числа 2-го мая я уеду в деревню и, если там восстановлюсь, за премией⁴ поеду и очень хочу побывать в Питере — лет 20 или более не был, а тут такой хороший предлог, и с любимыми людьми охота повидаться, в том числе и с тобой.

27-го к нам из Перми приезжает делегация вместе с человеком, который добился финансирования и возглавляет проект поездки по мемориальным местам нашего края, будут решать практические вопросы поездки — финансирование берет на себя какая-то из организаций ООН. Как и что будет, я пока не знаю, но поездка состоится не ранее середины лета будущего года, и я попрошу главарей этих тебя в нее включить.

На этом кончаю. Устал. Обнимаю тебя. Ты хоть не хвориай. Письмо посылаю вместе с брошюрой о беседах на Земле Сибирской. В районе нашем власть переменялась, главой администрации стал представитель красных, пьющий крепко и ничего не умеющий и не желающий делать, так, пожалуй, что более нам не собраться. А вот писал я тебе или нет — часовенку в Овсянке мы успели заложить и, благословясь, будем потихоньку строить.

Твой — Виктор (В. Астафьев)
21 апреля 1997 г.

¹ Имеется в виду эссе М. Кураева «Чехов посредине России».

² Журнал «День и ночь» (Красноярск).

³ Возможно, перифраз строчки из стихотворения М. Исаковского «Враги сожгли родную хату...» (1945).

⁴ В. П. Астафьев вошел в шорт-лист Букера 1996 г.

Дорогой Миша!

Я тут совсем запурхался с собранием сочинений, сумевши и из него сотворить насадную работу.

Вот делаю 13-й том, где должна быть крошка — пьесы, сценарии, варианты повестей, рассказов, хотел, как вариант, сунуть в том остатки того, что осталось от когда-то набросанной 2-й книги к «Проклятым и убитым», из которой я, намереваясь вытащить рассказы, сделал уже повести «Так хочется жить» и «Обертон», и вот начал править, влез в рукопись и сделал еще одну повесть с хорошим названием — «Весёлый солдат», аж листов на десять. Все это стихийно и как-то несерьезно, а получился цикл из трех повестей о нашей счастливой военной и послевоенной жизни. Да и «Ловлю пескарей в Грузии» решил восстановить в первоизданном виде,¹ хотя работенка немалая.

Так что и хорошо, что Вы со вшедом не приехали, не ко времени бы было. Все отложим на будущий год. Намечается тут одна грандиозная экспедиция, в связи с которой, сдавши рукопись на машинку, отбываю я на Урал числа 10-го сентября. А в начале октября, е. б. ж.,² должен лететь на конгресс европейской интеллигенции в Брюссель. Тебя нена роком не пригласили ли? Хороший повод повидаться.

Миша! Ты ничего не написал о книжке, которую ты с каким-то издателем,³ коего ты привел, наместили? Я отправляю тебе в подарок 7-й том, которого лишь теперь дождался, и точками в оглавлении пометил то, что взять возможно. Книжка — тебе подарок — чтение любопытное, и ты можешь за мой счет отдать перепечатать или ксерокопировать текст. А надо, так я и еще одну книжку-то пришло. Словом, не умолкай надолго.

Я смертельно устал, и поездка на Урал будет кстати, передохну малость и в конце года, Бог даст, отправлю «Весёлого солдата» в не веселый и совсем обестиражившийся «Новый мир». Куда мы без него?

Обнимаю тебя, родной. Очень жаль твою машинёшку, она так мне памятна уютом своим старым и дребезгом, и бедностью внутренней. Так бы и покатался снова по Питеру в ней, поболтал бы с тобой о нехороших нынешних правителях и хороших умерших большевиках.

Будь здоров! Кате поклон.⁴

Твой Виктор Петрович

(В. Астафьев)

29 августа 1997 г. С. Овсянка

¹ В 1986 г. в майском номере журнала «Наш современник» был опубликован цикл рассказов В. П. Астафьева («Ловля пескарей в Грузии», «Светопреставление», «Слепой рыбак») под общим заголовком «Место действия». На VIII съезде писателей тогдашний секретарь

Союза писателей СССР С. Михалков охарактеризовал этот цикл как обидно и бестактно задевающий национальное чувство братского грузинского народа (см.: Стенографический отчет с VIII Съезда писателей // Литературная Россия. 1986. № 27. С. 3). Во время выступления на съезде В. Распутина, пытавшего поддержать В. П. Астафьева, делегация грузинских писателей демонстративно покинула зал заседаний. В июльском номере «Нашего современника» было опубликовано их гневное открытое письмо. Кульминацией разгоревшегося скандала стала общеизвестная переписка с историком Н. Эйдельманом. Шумиха вокруг этого цикла заставила В. П. Астафьева внести изменения в первый вариант рассказа. Здесь он говорит о решении их восстановления.

² В. Астафьев цитирует известный рефрен из дневника Л. Н. Толстого: «Если буду жив».

³ Цветков С. В., издательство «Блиц» (Санкт-Петербург).

⁴ В. Астафьев оговорился, он имел в виду жену М. Кураева Лидию.

Друг сердечный, Виктор Петрович! Стремительность исчезновения времени — ошеломляет. И привыкнуть к этому невозможно. Вчера купил елку — сегодня март на носу!

Слезы по поводу получения денег из «Д. и Н.» осушил переводом (сумма не оглашается — коммерческая тайна!), доставленным даже не на собаках и уж не на оленях, скорее всего, на некормленных волах. Однако, спасибо.

Что касается «Чехова», если он пойдет в полном досланном виде, то там можно убрать абзац про А. Н. Яковлева,¹ обнаружилась неточность в сноске, цитировано по цитированному, да и вообще его можно не вставлять в этот текст, перо разбежалось. Хотя человек он лукавый, пишет нынче так, будто не в Кремле двадцать лет просидел, а двадцать пять на Колыме. В книжке 1995 года пишет про марксизм сдержанно-уважительно, в книжке 1996 года марксизм уже химера, чушь и все такое. Не барышня вроде в галантерейной лавке, не солидно в таком возрасте и при такой комплекции этикие пируэты выделывать. Протопал, как правоверная божья коровка, начиная с 46-го года аж до Политбюро, а теперь радуется, что весной 24-го под Мавзолеем канализационную трубу прорвало. Бог им судья, как мама говорила.

Если еще не поздно, хорошо бы убрать в конце статьи целиком фразу об Александре Чудакове: «прогулки вслух» доктора филологии Александра Чудакова по «полю», простирающемуся между «есть Бог» и «нет бога». И выше пишу про его фокусничество, имени не называя, так лучше и выдержать.

У нас новая напасть — пожар в библиотеке Пулковской обсерватории.

Последнее время после того, как сгорел Дом писателей,² и я лишился библиотеки, приютила меня наша Библиотека Академии наук / БАН, и теперь их беды для меня особенно чувствительны. Библиотека горела запланировано! Пожару предшествовали поджоги. Даже наиболее редкостные инкунабулы перенесли в другое хранилище... Найти в великом городе САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, наконец-то обретшем та-та-та-та!!! грузовик, чтобы вывезти изувеченные книги в город, в сушильню, найти было невозможно. «А как будете платить? Наличными?». — «Нет, мы холодильник на дачу возем...». — «У нас лицензии нет для езды по городу...» и т. д. В гибельном состоянии 5,5 тысяч книг, безвозвратно потеряно около, думаю, тысячи книг из уникального собрания

акад. В. Струве, основателя обсерватории. Деньги, тут же выписанные губернатором В. Яковлевым на приобретение материалов для начала! спасательных работ, вот уже две недели! работают на банковское жулье, а на библиотечный счет не поступают. Сотрудники, занятые спасением книг, даже грошовой зарплаты не получают, а они заняты не только нужным, но и крайне вредным для своего здоровья делом. Как говорит моя подруга: «Я даже не думала, что капитализм такой плохой».

Но есть и хороший капитализм в лице Юхана Эберга, это культурный атташе пос. Швеции в М-ве. Часто заглядывает он и в Питер, познакомились. Попробуем на базе питерского частного издательства «БЛИЦ» сделать небольшую серию книг шведской прозы. Человек этот, Эберг, основательный, хорошо знает и русскую историю и культуру, в литературе русской чувствует себя как дома. Россия знает только европейскую. Дальше Волги нигде не бывал. Когда я стал рассказывать ему про Сибирь, Красноярск, Астафьева, швед вспыхнул энтузиазмом. Если идея плавания (летнего) по Енисею к Дудинке не испарилась, может быть, дать ему какую-то информацию об этом деле, чтобы он сам подключился. Если не получится с плаванием, он готов, как я понял, с Вашего доброго согласия, где-нибудь в августе на недельку нагряться в Красноярск-Овсянку, если Вы там будете, разумеется. Может быть, мы бы с ним и вместе прилетели.

Храню слабую надежду на то, что увидимся на следующей неделе в Москве, еду на исполком ПЕНа. Откладывать же письмо, которое собирался уже полтора месяца написать, больше не буду.

Втянули меня в фильм о Питере. Предполагается серий 50, телевизионных.³ Сунул я нос в историю нашу и оторопь взяла: какими же сказками, какими же неправдами и клеветой нас всю жизнь потчуют. Долдоним, как школьники: окно в Европу, окно в Европу. Ярослав своих дочек на европейские престолы через забор передавал? Через стену перекидывал? Шведский наследник три года Ярославовой дочки руки добивался, в дружине у Ярослава служил, подвигами невесты добился! Это петровых дочек, от поблядушки прижитых, никто, кроме шушеры европейской, на порог не пускал. Когда Европа после 30-летней войны опустела чуть не на две трети да изголодалась, у нас курица две копейки стоила, 1 коп. десяток яиц. А посольским царь Михаил выдавал содержание 2 рубля 5 копеек в день! Вспомнили, хлебушка попросили, получили, откормились и опять — стена!

Как нравится памятник Петру в Москве? Из Овсянки в ясную погоду должно быть видно, он 92 м высотой.

Как дела с собранием?

Обнимаю. Марии Семеновне Грозной поклон.

Ваш Миша Кураев.
Февр. 2. 1997

¹ Яковлев Александр Николаевич — один из идеологов перестройки, бывший член Политбюро, секретарь ЦК КПСС по идеологии, яркий публицист.

² В ноябре 1993 г.

³ Проект, посвященный 300-летию Санкт-Петербурга, не был реализован.

Красноярск — 36. Академгородок, 14–55.
Астафьеву Виктору Петровичу.

Юхан Эберг готов десятого августа вместе со мной прилететь в Красноярск. Дело за Вашим согласием. Есть ли возможность плавать до Игарки? Поклон Марии Семеновне. Миша Кураев.

Дорогой Миша!

Ты вот во вшещи был, демократией подлинной дышал и, небось, водку-пиво пил. А где ты жил? Не на острове ли Готланд, не в доме ли творчества международного Пен-центра?¹

Я тут тоже слетал в Европу, аж в Брюссель на одно творческое собрание, и там с нами был Саша Ткаченко,² начальник нашего Пен-центра и, узнав, как я хвораю зимами возле парящего Енисея, в мороси и сырости, пообещал определить меня в этот самый дом творчества в середине зимы. Вот я и хочу спросить тебя, и каков климат зимой в Швеции? Может, еще сырей нашего. И, пожалуйста, не тяни с ответом.

Да, я побывал уже у нового министра культуры, пока он свеж и горяч, попросил его письменно и устно сделать «Провинциальные чтения» постоянными и взять Овсянскую библиотеку под крышу министерства культуры, а то милая провинция, исходя завистью, заедает работниц наших и готова ту библиотеку спалить.

Весь я в делах — завершаю 12-й том составлять (публицистика) — экая морока, прости Господи! Все материалы разбросаны по газетам и журналам иль в пыли бумага таятся. И 13-й на подходе — новая повесть³ основа, но я и другие вещи ворошу, восстановил вот и написал огромное послесловие к скандальному рассказу «Ловля пескарей в Грузии», а то почитающий себя великим редактором Викулов⁴ в воспоминаниях снова и еще раз предал меня.

А с Лидой? Пусть она не обижается. Маму мою звали Лидией, она погибла в 29 лет, и дочка, названная в честь нее, умерла девяти месяцев от голоду, вот я, видимо, и положил себе, что никто более, кроме этих двух женщин, не может носить это красивое и святое для меня имя. А ты не блядуй, так и жена тебя из-за описок прижмать к стене не будет.

Идет уже, разворачивается подготовка к будущим чтениям, которые намечено провести от 10-го сентября 1998 года. Бог даст, увидимся и наговоримся. Овсянка жива. У нас до сих пор хорошая погода. С марта месяца благодать. Уж не не к добру ли? суеверно думаю я.

*Обнимаю тебя — твой Виктор Петров-сын
(В. Астафьев)*

28 октября 1997 г.

Красноярск

¹ Международный дом творчества писателей и переводчиков Балтийского региона в городке Висбю на острове Готланд в Швеции.

² Ткаченко Александр — директор Русского Пен-центра в Москве.

³ Имеется в виду повесть «Веселый солдат» (1998).

⁴ Викулов С. В. (1922 г.р.) — поэт, тогда главный редактор журнала «Наш современник».

Дорогой мой Виктор Петрович! Тридцать четыре минуты назад прочитал твое письмо; только что закончил послание на Готланд, допишу его, заклею и оба отнесу на почту.

Мне звонил Ткаченко из М-вы, рассказывал о восторгах Астафьева-болельщика и Астафьева-писателя от книги «Фут-боль». Я сказал Ткаченко, что он должен сделать в М-ве: связаться с А. Афиногеновой, человеком очень влиятельным в этом «Балтийском центре писателей и переводчиков», как официально он именуется. В контакте Ткаченко и с Эбергом (с которым мы до Овсянки не доехали) тот может и ускорить и упростить решение вопроса. И еще. Директор этого центра, Гунилла Форзен, человек живой и приветливый, собиралась числа 14–15 приехать в Питер, имею в виду ноябрь. Это еще одна возможность — уточнить, решить и пр.; есть там одно неудобство для избалованных судьбой людей — не кормят, еду надо покупать и готовить на общей кухне самому. Для меня это труда не составило — блокада, тоталитарно-деспотический режим, ужасы времен эпохи застоя, все это закалило и приучило делать омлет и варить уху из купленного там лосося самому.

Климат там, полагаю, и зимой получше питерского, а может быть и красноярского. Там, как рассказывали, иной раз новый год в рубашках встречают, и в декабре еще розы не все отошли. Но остров есть остров, ситуация морская, как на корабле, погода может меняться на дню по многу раз, особенно в осенне-зимнюю пору.

Сам же остров, а по нему надо поездить, и городок Висбю — место заповедное, интереснейшее, язычество бронзового века, христианство XIII–XVI (расцвет Готланда) и нынешняя жизнь сосуществуют, не чураясь своего родства. Поближе к поездке напишу поподробней, по своей памяти, куда съездить, что посмотреть, а куда и прогуляться.

А я после Готланда умудрился съездить в Краснодар как сопредседатель Союза, на 50-летие краснодарск. писат. орг-ии. В тех краях никогда не был, и потому влекло любопытство, не гнилое тщеславие. Братски обнялись с Виктором Лихоносовым, немножко пображничали к великой печали и местных и приехавших из М-вы начальников союза пис. России, где числится Лихоносов. Ситуация щедринская — Союзов в Краснодаре два, а писатель-то один!

Красно-православно-казачий пояс производит сильное впечатление! В общем, психо-неврологический диспансер на пятьсот персон в станции Северной, который довелось посетить, производит впечатление тоже сильное, но положительное.

Добрался и до лермонтовской Тамани, но погода была такая сволочь, дождина с сумасшедшим ветром, что спасся только благодаря обстоятельной дегустации вин на местном винодельческом предприятии.

Есть ли смысл с новым мин. культуры поговорить о гоголевском мемориале в Питере? И как к ней теперь взойти?

Седьмой том (один из обещанных) передал Цветкову, который и есть издатель. Его несколько смущает, что книжка будет целиком из вещей уже опубликованных, серия старается ориентироваться на новые, хотя бы частично. По мне так смущаться надо тиража собрания сочинений, которое должно быть в каждой школьной, фабричной, армейской, партийной, беспартийной, районной и областной библиотеке в количестве не менее 2–3 экземпляров.

Итак, заклеиваю конверт. Надеваю галоши.

Всех благ, дорогой Виктор Петрович. Марии Семеновне сердечный привет.

Лидия нашла разъяснение удовлетворительным, а рекомендацию превосходной, улыбается и шлет поклон.

3 ноября 1997 г.

СПб

Твой Миша Кураев

Дорогой Виктор Петрович! Пользуюсь оказией послать привет от нас с Наташей Дементьевой, календарь не довез в августе.

В тот же день, как получил письмо с вопросами о Готланде, все узнал и послал Вам телеграмму. Не получил? На Готланд ждут, дорогу оплатят. Нужно только согласовать сроки, удобные для Вас.

Сегодня в Питер прилетела директриса этого готландского центра. Пробудет здесь до 14 декабря.

Только что вернулся из Ю. Кореи, был десять дней. Интересно. Непривычно, но палочками есть навострился.

А от российских дел и бед — мороз по коже. Когда же этим зимам конец?

Обнимаю сердечно. В Новом году — трудов и здоровья. Может и повидаемся. Марии Семеновне поклон и доброе здоровье.

Твой Миша Кураев.

9.12.97.

СПб

Дорогой Виктор Петрович!

С Новым годом, со старым счастьем и немножко с новым.

На Готланде так хотят Вас увидеть, что согласны и меня взять в при-
дachu с лекциями об Астафьеве!

Сообщите, в какое время желательна поездка. Я с ними все согласую.¹

Только главная моя мечта-98 — это Енисей.

Обнимаю. Всему нашему клану — с Новым годом!

1997. XII

Миша.

Лида.

¹ Поездка не состоялась.

Дорогой Миша!

Вот кое-как домучал повесть. Много сил, все силы она отняла, и трое уже суток сплю беспросыпно. Это и раньше бывало, всегда работал на полный износ, до полной прострации, но сейчас уже, видимо, изнашивать осталось нечего, кроме пузы, а она у меня устойчива и от сидения за столом только пухнет. «Лесчура копченая», — говаривал мой папа и, когда я подшучивал над ним, всё говорил: «Погоди, погоди, блядь, доживешь до моих годов!» — и, как старый закаленный зэк, добавлял: «Эти старые годы идут, как зачёты — один за десять».

Нет, Миша, середь зимы на воду не поеду, нынче здесь пока, слава Богу, сухо относительно и уже морозно неотносительно. Присмотрю угол потеплее, куда ходят из Красноярска туристические рейсы, и поеду кости погреть и дышалку подладить, и в Швецию, тобой обжигтую, авось съездим когда-нибудь вместе. Ты не возражаешь?

Пока же 26-го двигаюсь в Казань через Москву — присудили мне премию Литфонда и отчего-то решили проводить отчет Литфонда и премии вручать в Казани, где я никогда не бывал, но где учился и бунтовал товарищ Ленин.

Закончил и сдал в производство 12-й том (публицистика), занимаюсь 13-м, где основой будет новая повесть,¹ и тут уж легче, а с публицистикой, разбросанной по газетам, журналам и черт-те по каким изданиям, пока составлял, чуть с ума не стронулся.

Вышел 9-й том, до конца года сулят выпустить и 10-й, а там уже пойдет под уклон.

Летом постараюсь отдохнуть и как следует подготовить 2-е «Провинциальные чтения», если, конечно, ничего не стряется, т. е. власть не переменится и денег все-таки дадут. Пока еще только разговоры о них. Для зачина маленько дали, библиотекари наши зарплату получили, а начальница библиотеки даже и пальто себе знатное приобрела.

У нас идет предвыборная лихорадка в законодательное собрание, втянули было меня в это некрасивое дело, но я высклизнул. Нигде и никогда так не обнажается наше несовершенство, склонность к вековечным российским плутням и просто скудоумие, как на этих наших потешных выборах. Право, чтобы обнажилось наше полное несоответствие времени и полное духовное убожество, гражданская несостоятельность — выборы надо было придумать, но одни. Нельзя же постоянно демонстрировать свое тощее, нагое телушко перед миром.

Обнимаю тебя, поклон Лидии.

Твой — Виктор Петрович

¹ Астафьев В. П. Повесть «Веселый солдат» (1998).

Дорогой мой Виктор Петрович!

Письмо от 21 ноябр. 1997 г. получил 6 марта 1998 г. Хорошо, что спешных вопросов послание не содержало. А за привет и память спасибо.

Только что вернулся из поездки по области (Волхов, Лодейное поле, Подпорожье), не жизнь, а выживание. Но многое зависит от честности людей, оказавшихся наверху. На книжных прилавках, оказывается, разнообразие и изобилие только в М-ве и Л-де., м.б. и в Красноярске, но в маленьких городках одна «попугайная белиберда» (запутаешься!). Херни разного рода 80–85%, остальное «Секс в жизни девушки», «Онанизм — это полезно», «Телеантенна на садовом участке». Вот тебе — Астафьева и Гоголя с базара понесут! Нет на базаре таких авторов!

Был тут с месяц назад звонок из М-вы, спрашивали, готов ли я поехать с Лебедем в Красноярск. Помня слова Астафьева, Чехова о готовности ради хорошего дела (повидаться с В.П.!) с кем угодно обедать и в любой прихожей... согласился. После чего наступило, в общем, ничего не наступило... На себя наступил, с этим и остался.

М.б. наше путешествие в Швецию будет более удачным. Для этого мне хорошо бы знать удобное для Вас время, у нас связь с Готландом сравнительно простая, а они нас ждут, в первую голову, естественно, Астафьева, но и меня, чтобы я им Астафьева разъяснил.

После дождливых января и февраля у нас наступил морозный, снежный, кроткий март, настоящая зима. Лучше поздно, чем вовсе без зимы. Благо — светло! А это для меня первое благо. Надеюсь, что это письмо придет в Красноярск быстрее, чем через 3 месяца.

Обнимаю и желаю всяческих благ. Благополучия и дыхалке, и думалке, и писалке.

Ваш Миша Кураев.

15.03.98

Привет сердечный Марии Семеновне.

А теперь строки, продиктованные уязвленной сердечной гордыней:

Мой адрес — Б. Самп. проспект, а не пер.

Не бывает на свете пер. длиной в 5 километров!

Коренной житель Б. Сампс. Пр.

М. Кураев

26 марта 1998 г.

Дорогой Миша!

Эт че, смефуечки, в городе с латино-немецким названием. Вот есть на свете город Орск, где проживает мой фронтовой друг, так я ему однажды послал письмо на улицу незабвенного и шибко нами любимого вождя под псевдонимом Ленин, так мне его, письмо-то, вернули на том основании, что друг мой живет не на улице, а на проспекте Ленина. [Есть в Орске и улица, и проспект Ленина — во, бля, рекорд!] Тут уж и удивляться перестаешь, когда к юбилею этого вождя-мракобеса и на мыле, и на спичках, и на конфетках имя его святое ставили. Может, и на гондонах портрет его лепили, [но я ими не пользовался никогда и не знаю], а он бы лысый-то, с головы на залупу смахивающий, к месту там смотрелся. А ты тут гонор имеешь по поводу Сампсониевского переулка!¹ Салага, до се не осознал [ты] важности времени, в которое живешь. Дак имя-то звучит подозрительно —

Сампсоний, небось мракобес церковный, аль большевик, верующий только в мировую революцию.

Я, Мишенька, нахожусь в раю. Сдал, одолел все тома собрания сочинений (если б не бабы, не моя супружница и не редакторша сумасшедшая, бросил бы я к эту насадную работу, вконец меня вымотавшую), но вот сдал под расписку все тома и отскочил от дома всего-то на 2–3 километра в местечко, называемое «Сосны»,² где принимали Хосимоту и куда давно уж меня засылали (после Хосимоты), да все мне было недосуг. И вот один, в целой половине деревянной! дачи живу уж более недели и не верю, что так бывает, никого нету, тишина, сосны кругом, и только птицы поют. Гос-споди, как я сам себя загнал в угол, да еще и рыло бьет в углу-то всякие всем и всеми недовольные людишки.

А в Швецию, Миша, пока ходу нет. Вот в Италию, в Милан поговорить о сибирской литературе в тамошнем университете приглашают. И я собираюсь с 5-го по 10-е мая там быть и макаронников словом отборным дивить, а там вернусь и огород садить надо.

Меня ведь от земельной повинности никто не освобождал. Это вы, жители [самого] пролетарского города, интеллигенция советского закваса, освободили себя от всякой повинности, ничего не делаете, только бумажки пишете, а кушать у Ельцина требуете, да еще чтоб пишища калорийная была и рецептуре самой выдающейся номенклатуры соответствовала. У нас чё добудешь иль сопрешь, то и пожрешь — сурровая жизнь на сурровой земле!

А потом, родной мой, начнем готовиться ко вторым «Провинциальным чтениям» [..]. [е]С помощью вашей питерской посланницы³ нам вроде бы вырешили денег на это мероприятие, которое мы намечаем ближе к середине сентября провести, тогда и решим насчет Швеции.

Между этими делами на июль, примерно, планируется поездка на теплоходе по Енисею, дней на 10. Это по линии общества «Мемориал», и я тебя включу в список, если ты захочешь, а пока обнимаю. Обленился я тут, спасу нет. И хорошо это ничего-то не делать. Нравится мне.

Поклон Лидии. Тебя обнимаю — Виктор Петрович

¹ В. Астафьев по ошибке написал на конверте вместо Сампсониевский «проспект», где жил М. Н. Кураев, «переулоч», чем вызвал шутовое возмущение адресата.

² Резиденция красноярской краевой администрации.

³ Дементьева Н. Л., директор музея-заповедника «Петропавловская крепость», впоследствии министр культуры РФ.

Дорогой Виктор Петрович! Легко на помине. Богатому быть. Вчера вечером была у нас в гостях Саша Афиногенова, переводчик и аж целый со-директор писательского Центра на Готланде. Я обещал незамедлительно Вам написать, чтобы получить ответы на интересующие ее вопросы. А ответы уже лежали на почте, в двух шагах от дома. Там картина такая. В доме 11 комнат, а претенденты размещаются аж в одиннадцати странах. Заявки на апрель-август подаются чуть ли не в ноябре. Таким образом, нынешнее лето уже закрыто, речь может идти (при желании) об осени. Что касается моей персоны, то отдаю тридцать три года на Готланде за 10 дней на Енисее. Серьезно! Так что ежели Ваше

высокопревосходительство, прославленное в современниках и потомках милосердием своим и неисточимым человеколюбием, соблаговолит в списочек муравьишку петербургского вписать да на пароходишку пропихнуть, уж за мною не станет, и якоря начищу, и трубу собственной красочкой поновлю, и винты (гребные колеса?) маслицем смажу. А уж Вам-то, Виктор Петрович, за одни только помыслы благороднейшего полета свечу поставлю за благополучный полет в Милан и обратно!

Кстати, о Милане. Тамошнее издательство «Иль Сиджатторе» перевело и выпустило сочинение, нас с Вами познакомившее, «Зеркало Монтачки». Я не знал итальянских матюгов, а то бы я их назвал достойными их племени и звания именами. Не позвали на представление книги! Денег они платят все равно мало, так что одно утешение глянуть на дом, где писал человек «Мертвые души». Так нет! И это уже второй «фармазон», первая книжечка у меня вышла в Генуе, с теми же последствиями, то бишь без последствий.

Ваше высокосовершенство и всяческое превосходительство, позвольте выразить надежду и даже уверенность в том, что под крылом Вашей благосклонности хватит места на лекциях в пресловутом Милане не только тукам и злакам, произрастающим на сибирской литературно-необъятной ниве, но пустынноку с Выборгской стороны, стороны далекой, но «нашенской». Смею надеяться, что у меня будет возможность выразить Вам благодарность за те пинки, оплеухи и пощечины, которыми вы отметите всех без исключения участников «миланской интриги», лишившей меня возможности своим сапогом ступить на сапог Аппенинский.

Это о пище духовной. Теперь о пище телесной.

Мы тоже можем предъявить трудовую мозоль и ломоту в пояснице. Лидина мама живет в деревне (80 км от Питера), и огород в 10 соток знаком нам не по цветным фотокарточкам. Из сибирского далека, к сожалению, не видно, как монолитен, как неразрывен, как прочен, как намозолил и руки и ноги союз пролетариев умственного труда и трудового крестьянства! Кто собирал капусту на полях сельхозартели «Шушары», пока трудовое крестьянство пьянствовало, возилось на личных участках? Пролетарии киностудии «Ленфильм»! Кто пропалывал (дважды в сезон!), а потом собирал морковь и отправлял на овощехранилище? Инженерная знать, аристократы прогресса в энергетике, институт «Оргэнергострой» под водительством увенчанного званиями, лаврами и кимвалами моего отца! Вот так «самый пролетарский» поддерживал раскачивающегося на нетрезвых ногах брата-крестьянина... Эх, да что вспоминать! А у Е. Б.Н., ваша высокопроницательность, мы ничего не требуем, поелику вот уже какой год нам наглядно объясняют: пока гусинские, березовские, чубайсы, лифшицы, сосковцы, ястрымбжемские и прочие остро-нуждающиеся, изголодавшиеся и много послужившие Отечеству не обожрут выше головы, прочих малосознательных граждан просят Ельцина, Бориса Николаевича, пустяками не отвлекать. Так что мы Бориса Николаевича всегда понимаем, особенно когда они говорят сегодня прямо, а завтра наоборот. Сегодня героически войну начнут, а завтра со славой кончат! Сегодня Крым по дружбе подарят, а завтра за Севастополь погтями

цепляются. Сегодня другу-теннисисту подарочек в виде льгот сделают, а завтра полутора триллионов в казне недосчитаются.

Кстати. Шутки шутками, но едва ли до Сибири доходит (допускают!) существенную информацию. Не угодно ли: интервью с Ю. Болдыревым, зам. пред. Счетной палаты при Законодат. Собр. РФ. По результатам инспекции за 1996–97 годы Палата поставила перед властью вопрос о предоставлении в Генпрокуратуру РФ материалов для возбуждения уголовного дела в отношении Черномырдина и Чубайса в связи с аферами при приватизации «Связьинвест», «Сибнефть», «Норильский никель», «Тюменская нефтяная компания». Цитирую: «Результаты этих черных сделок поразят даже самого невозмутимого человека». Однако кормилец всяческой сволочи более чем невозмутим. Цитата: «Сумма вскрытых Счетной палатой противозаконных изъятий из бюджета уже превысила 60 триллионов рублей. И если бы соблюдалась буква закона, недостатка финансов в бюджете не было б и сумма государственного долга не была бы так велика».

Интервью дано еще до почетного перемещения преступников в почетную отставку.

Однако.

Как сказал классик: пусть политики дотрепывают страну как могут, пусть воры тянут не ими построенное к себе, пусть нефть течет через карманы гусинского-березовского, а мы должны вкалывать на своих участках.

И классик подал пример. На своем участке, правда, с помощью двух батрачек, завершил Собрание сочинений! Это весть самая для меня радостная. Не устаю и по радио, и по телевизору и при любой встрече с читателями говорить о 10 тысячах Собрания сочинений Виктора Петровича Астафьева и о 200-тысячных тиражах произведений Володи Кунина «Кыся-1», «Кыся-2», «Кыся-3», тоже уже как бы собрание сочинений.

Астафьев должен быть в каждой школе и у каждого словесника дома, а в каждой школе — «Кыся».

Ездил недавно по области — Волхов, Лодейное Поле, Подпорожье, библиотеки, клубы, Дома культуры. В книжной торговле приличной книги нет, просто нет, физически. Прилавки Москвы и Санкт-Петербурга-Нью, где среди говнамножество отличных книг, исключение. Кроме попугайной белиберды только «Секс в жизни школьницы», «Секс в жизни подростка», «Откровенно об этом», «Вязанье на спицах», «Антенна на садовом участке». Астафьева и Гоголя нет. А как на ваших хуторах с книжным меню на прилавках?

Не смог нынче поехать в Ялту на «Чеховские чтения», хотя и готовил сообщение «Актуальный Чехов», вдохновенное, кстати сказать, сочинением Романа Солнцева «Иностранцы». Привет Роману¹ и спасибо за журнал, который я получаю почти регулярно.

Что-то разговорился, не остановиться. А завтра буду трибунить на ТВ, в 21 час по «5-му» каналу, конкурент программы «Время». И тоже полчаса. Надо подготовиться. А в Ялту не поехал, потому что увяз в сочиненьице, которым никак не разрожусь, а аборт делать поздно, сроки прошли.

Жму руку. Обнимаю. Скучаю, оказывается.

Еще раз поздравляю автора и всех потомков с завершением героического труда Героя социалистического труда!

Марии Семеновне поклон персональный и глубокий.

Ваш Миша Кураев.

6.04.98

P. S. Заезжал Курбатов. Мы с ним пображничали. Вспоминали речку Мену.²

¹ Роман Солнцев — известный красноярский литератор, главный редактор журнала, сопредседатель Союза российских писателей, учредитель Пен-клуба в г. Красноярске, лауреат нескольких престижных литературных премий.

² Мена — приток Енисея. В пансионате, расположенном на берегу Мены, недалеко от Овсянки, в 1996 г. состоялась первая «Литературная встреча в русской провинции».

3.05.98 (по штемпелю).

Красноярск — 336. Академгородок, 14, кв. 55. Астафьеву.

Приветствую и поздравляю великого мастера нашего славного цеха. Подмастерье Михайло.

Дорогой Виктор Петрович!

Хотел написать, дочитав «Веселого солдата», но шестой номер оказался неуловим, а приглашение на встречу в сентябре уже в руках. Спасибо. Сентябрь получается у меня разъездной: Красноярск — Москва — Италия, но до этого еще надо дожить.

Мне сейчас приходится много читать написанного в девяносто седьмом году, вернее, изданного. Включили в жюри нынешнего «Букера». Так вот, после чтения претенциозной зауми, обширных исповедей педиков и «золотых ослиц», рассчитанных на жалость и понимание многоречивых объяснений эмигрантов внешних и внутренних, прочитать: «...и плывем мы устало от беды до беды, объединенные жадой добра», — чувствуешь и себя живым и живой русскую литературу. За Анечку из санпоезда отдельное спасибо и за макаронину, разделенную не поровну. А уж за «подзолоченные сентиментальной слезой казенные заброшенные обелиски» [тоже] отдельное спасибо. Астафьев, пишущий о браконьере, сорящем русскими солдатами, мне куда понятней и родней, чем Астафьев, требующий памятника великому полководцу.

«Склон горы, спускаясь от гольцов, раскатившийся понизу громадными замшелыми камнями, как бы сдваивал оподолье горы, и по этому оподолью...». Ну не пишут так ни Найман,¹ ни Сегень,² ни Веллер,³ ни «шабатный гой» Виктор Панз.⁴ То-то и объявляют русскую литературу устарелой, исчерпавшей, отставшей, это им не дотянуться! Кто от кого отстал? В общем, спасибо, есть чем по суслам пройти!

В грусти великой ездил на похороны Марка Галлая⁵ в М-ву, так случилось, что последние пятнадцать лет мы прожили в неожиданной и по-разному для каждого желанной дружбе. Человек он был замечательный. Последний раз виделись [после] в мой приезд за Госпремией,⁶ по-моему, он радовался больше меня. И слова Вашего летчика, готового

и мерзнуть и бревна таскать, лишь бы землю под ногами чувствовать, напомнили мне о нем. В войну Галлая сбили, летал после войны в корсете для укрепления позвоночника, я об этом узнал лет через десять после знакомства и от его жены. Так что, Ваш брат, солдат, в небе генералов нет, все солдаты.

Лето идет ужасно бестолково и невольно бесплодно. Надо готовить две книжки в издательство, а у меня конь не валялся. Хоть в основном и старое, а надо и посмотреть и кое-что поправить.

Еду на две недели в комаровский «дом-пис», город день раздразнивает нещадно.

Крепко обнимаю.

Ваш Миша Кураев

P. S.

Прочитал Романа Солнцева «ЦБ» в Неве. Он выдвинут на Буккера. Буду всячески поддерживать. Герой, манипулирующий правдой и выгодой, сегодня дорого стоит. Вещь без финала, но об этом пусть другие говорят.

P. S. S.

Марии Семеновне сердечный поклон.

03.08.98.

¹ *Найман А.* (1936 г.р.) — поэт, переводчик, член французского Пен-клуба. Номинант Букеровской премии 2001 г. В 1959 г. вместе с И. Бродским, Е. Рейном входил в круг молодых друзей Анны Ахматовой.

² *Сежень А. Ю.* (1959 г.р.) — прозаик, автор популярных исторических романов.

³ *Веллер М.* (1948 г.р.) — прозаик, «один из самых породистых экземпляров литературной баснописности масс-культы» — (*Чупринин С.* Русская литература сегодня. Большой путеводитель. М., 2007. С. 177).

⁴ *Панэ В.* — израильский литератор, повесть которого «Шабатный гой» номинировалась на Букеровскую премию.

⁵ *Галлай Марк Лазаревич* (1914–1988) — летчик-испытатель, Герой Советского Союза, наставник первого отряда космонавтов, человек, поднявший в воздух 127 новых типов летательных аппаратов. Друг М. Н. Кураева.

⁶ Государственную премию М. Кураев получил в 1998 г. за трилогию «Семейная хроника».

Дорогой Миша!

Что-то я никак со здоровьем не налажусь, стал лучше спать, давление ослабил, барахлит брюхо, и другие старческие немощи подступают все плотнее.

Поэтому и за стол не сажусь, и не поздравил ни тебя, ни друга своего горького Василя Быкова¹ с днями рождения.

Теперь уж в утешение и вдогонку хочу сказать как человек, переваливший и более крутые даты — ты мужик по природе могучий и активный, так 60 лет для тебя не горе, а лишь этап при переходе в более серьезный возраст, знай работы!

Обрати предстоящее десятилетие в поле брани и сражайся с чистым листом, а не представительствуй [,.]. Ни хера энти представительства и мелькания в разнообразных компаниях и кругах не дают

ни душе, ни смыслу жизни, они даже мешают этому самому смыслу. Словом, живи и работай, остальное само придет.

Твои звонки из Красноярска приходили ко мне, но всякий раз не оказывалось на месте заказываемого разговор. Уж коммутатор ли виноват, более ли увлекательные дела отвлекали, но хватк остается хватком.

Деда твоего² прочитал давно и с удовольствием, но обрыв на самом таком разгонном месте. Почитаю новую повесть, когда разделаюсь с текучкой и там найду, наверное, продолжение эпистолярия деда твоего.

Будь здоров! Не кашляй!

Лето пошло за середину, вот горе-то, а у нас еще и погоды доброй не было. Картоха подмерзла, но зная, что русскому человеку она нужна более, чем выборы в Гос. думу, выправляется. Говорят, июль будет жаркий, так, может, к самому ноябрю, тобой любимому красному празднику, и поспеет.

Обнимаю — В. Астафьев

Книжку-то³ пришли. Сумел ведь. Из Дивногорска мне голос был по телефону...

Твой В. П.

24 июня 1999 г. С. Овсянка

¹ Астафьев называет белорусского писателя В.В. Быкова «горьким другом», имея в виду его печальную судьбу: писателя-фронтовика в годы перестройки вынудили уехать из родной страны за границу

² Кураев М. Н., повесть «Жребий-241» (1995).

³ Сборник повестей и рассказов М. Кураева «Питерская Атлантида» (СПб, 1999).

Дорогой Миша!

Вот прилетела пора поздравлять добрых людей аж с тремя Великими датами, что я с удовольствием и делаю, желая тебе и Лидии доброго здоровья, всяческих новогодних чудес, новых книг, денег, да чтобы любимый твой город больше водою не топило.

Как ты живешь-поживаешь, маленько знаю из газет, от нас, провинциальных читальщиков, не скроешься.

Мы живем почти по-старому, если не учитывать все более шатающееся здоровье. Я после летнего инфаркта никак не могу выпустить из рук палочку, но надеюсь в январе съездить в Подмоскovie, подлечиться и зиму скоротать поскорее. Марья моя совсем сдала, без нее я не то что как без рук, но и без ног, и без разума, и без громоотвода. Не станешь же ругать больную бабу-помощницу, и поругать больше некого. Внуки уже живут отдельно, граждански отдельно, а кормиться им приходится с нашей помощью.

Миша! В Питере у меня вышел сборник под названием «Веселый солдат». Не шлют, бляди, ни книг, ни денег. Ты уж позвони им, что ли, аль набей их не до смерти, тебе же тоже надо будет издаваться где-то, забьешь — и потеряешь еще одно пристанище.

Девчонки из Овсянской библиотеки шлют тебе поклон. Они едва живы, никто им не помогает, и я вот в городе постель давяю. Плохой из меня помощник.

Да! А книжку твою с моим предисловием у меня спёрли, такой ты модный писатель, почти как Маринина, только во штанах, так если есть в запасе, пришли экземпляр.

*Обнимаю и целую тебя преданно.
В. Астафьев*

27 декабря 1999 г.

23.02. 2000

Дорогой Виктор Петрович!

Задержался с откликом на последнее письмо от двух неясностей. Когда в Подмоскowie и насколько? И пытался узнать про «пиратов», издавших «Веселого солдата». Никаких примет, дорогой друг, вы не сообщили, а [каки] как их найдешь? Опросом знакомых? Так что хорошо бы дополнительные сведения иметь.

С робостью душевной сообщаю, что побег из газетно-журнально-представительского балагана стал делом реальным. Имею почти два листа текста, имени еще не имеющего, но затягивающего, как в омут. Давно не сидел над бумагой в таком отчаянном бессилии. Переписываю без конца, и уже запутался, но вроде бы несколько страничек прорезалось не худых, а это любых усилий стоит.

Впрочем, с журналистикой не расстался уж совсем. Больше того, пришла мне идея рекламировать в газете «С.-П. ведомости» (самая у нас многотиражная) литературную русскую классику. Уже вышла (10 февраля) большая статья об «Евг. Онегине»! На открытия не претендую, но хочу показать, что читать интересно.

Написал две небольших статейки о «Миргороде» (соч. Н. В. Гоголя). Вдруг меня ударило — почему он сборник разбил на две части, а пары в частях сделал очень странные, «С. Помещики» с «Тарасом» и «Вий» с «Иванами». Вот и пытаюсь понять-объяснить, какая тут собака зарыта. Главное же, показать публике, что вопросы, занимавшие Гоголя и Пушкина, куда интересней, чем «кто убил?», «кто украл?», «где спрятал?» и выйдет ли замуж валютная проститутка за крутого киллера.

А перечитывать стариков, сам знаешь, и наслаждение и урок <нрзб.>. Регулярно знакомлюсь с «впечатлениями недели» одного сибирского классика из всемирно известного пос. Овсянка, что на реке Енисее. Читаю как весточку.

Писал мне Курбатов Валерий Яковлевич, говорил, что летняя встреча в Ваших краях может произойти. Так ли?

Да, собственной задницей почувствовал преимущества сидения за писательским столом на выселках, то бишь на даче, без телефона, соседей и баб. Сарай-печка-стол... Стол-сарай-печка... А поскольку дровяник у меня прямо в хате, в каморе для будущего сортира, то и пути короткие. Хорошо!

На Питер нет прицела? Оредеж чуть меньше Енисея, но тоже речка... Марии Семеновне поклон и поцелуй, а за незабываемую голову линка отдельно. Доброго здоровья, сил и душевного равновесия.

Лидия шлет привет и зовет в гости.

Обнимаю. Целую. М. К..

Р. С. Написал дату — День защитника! Мало кого осталось поздравлять, так что тебе за всех и пожелания добрые и любовь.

1. 05.00 (по штемпелю) 17.55
660336, Красноярск, Академгородок, 14, кв. 55. Астафьеву.

Дорогой друг Виктор Петрович, вплетаю и свой голос в хор поздравляющих и славящих. Пью здоровье и долголетие.

Миша Кураев.

Дорогой Миша!

А ты как, ена мать, думал? Творить в барской усадьбе, в петербургских палатах, модно называемых квартирами? Я, ена мать, всю творческую жизнь по деревням, да еще и без электричества, да еще и кругом, как на Вологодчине, пустые деревни, волки воют и ни-и души живой, да дождь вологодский зарядит на полмесяца, и тут уж остается два способа справиться с собой: или трудиться, или стреляться. И не раз я поглядывал на ружье, и хоть стрелок херовенький, да в русскую широкую грудь не промахнулся б. Одна отрада была, затопишь русскую печь, сядешь возле ее чела и согреешься, да и чего только не передумаешь, но, главное, умиротворение в душу придет и захочется обнять ближнего своего, да и поплакать у него на груди (ближнего, а не ближнюю, хотя ее тоже хочется от тоски и печали).

С петербургским издательством все разрешилось, их книгу «Веселый солдат», по опросу читателей, в «Книжном обозрении» признали лучшей книгой года и соизволили прислать 10 экземпляров. Один питерец сообщил мне, что книга сия есть в книжной лавке писателей.

Да, намечаем мы не на лето, а на осень, на конец сентября (чтоб люди картошку выкопали) Третьи провинциальные чтения, ежели деньги найдутся. Тебя, как старый, заслуженный кадр, мы непременно пригласим, а пока я собираюсь в больницу, на профилактику, и желаю тебе подольше оставаться в глуши и тиши, писать и писать дугой, порезвиться «на просторах родины чудесной»¹ еще успеешь, у тебя еще есть запас лет и сил, чего я не могу сказать о себе.

Обнимаю тебя, кланяюсь Лиде.

Преданно твой — Виктор Петрович

(В. Астафьев)

5 марта 2000 года. Красноярск

¹ Цитата из «Песни о Сталине».